

Антоненко Виктория Владимировна

Н. А. БЕРДЯЕВ О ПРОБЛЕМЕ ТЕОДИЦЕИ

В статье осуществляется попытка раскрыть специфику религиозно-философских размышлений Н. А. Бердяева, посвященных проблеме теодицеи. Относительно новым является акцент на историческом, вселенском масштабе проблемы происхождения зла. Мыслитель отводит огромную роль злу в исторической действительности. Кроме того, решение теодицеи он представил в развиваемой им концепции творчества. Творчество не столько борется со злом, сколько создает новый мир. Оно творчески осуществляет добро и творчески преобразует злое в доброе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2015/6/2.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (96). С. 16-18. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2015/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 141.4

Философские науки

В статье осуществляется попытка раскрыть специфику религиозно-философских размышлений Н. А. Бердяева, посвященных проблеме теодицеи. Относительно новым является акцент на историческом, вселенском масштабе проблемы происхождения зла. Мыслитель отводит огромную роль злу в исторической действительности. Кроме того, решение теодицеи он представил в развиваемой им концепции творчества. Творчество не столько борется со злом, сколько создает новый мир. Оно творчески осуществляет добро и творчески преображает злое в доброе.

Ключевые слова и фразы: Н. А. Бердяев; теодицея; зло; добро; творчество; свобода; ответственность.

Антоненко Виктория Владимировна

Смоленский государственный университет

lyubimayaviktoriya@mail.ru

Н. А. БЕРДЯЕВ О ПРОБЛЕМЕ ТЕОДИЦЕИ®

Практически каждый русский философ XIX-XX вв. затрагивал религиозную тематику, в частности проблему теодицеи (от двух греческих слов: «тео» и «дице», что означает «богооправдание»), которая представляет собой совокупность религиозно-философских учений, направленных на объяснение происхождения зла и оправдание Бога.

Весьма оригинальное решение данной проблемы предложил Николай Александрович Бердяев. Он утверждает, что существует «первичная», «несотворённая» свобода, и называет ее «меонической свободой». Она имеет основание в «ничто» и является небытием. Эта свобода первична, что допускает возникновение не только добра, но и зла. Бог всемогущ только над бытием. Таким образом, он проблему теодицеи связывает с проблемой свободы, т.е. для оправдания существования Бога и наличия зла он допускает существование некоей несотворенной свободы. Тем самым Н. А. Бердяев абсолютизирует свободу и онтологизирует зло. Мыслитель придает свободе двойственный характер, ведь она и от Бога, и от «ничто», которое допускает возможность зла.

По мнению Н. А. Бердяева, грехопадение является проявлением свободного духа в человеке, а значит, он – не падшее существо, а высокое, что противоречит теологическому учению. «Свобода зла есть добро, и без свободы зла не было бы свободы добра, т.е. не было бы добра. Возможность зла есть условие добра. Насильственное недопущение зла и насильственное уничтожение зла было бы большим злом» [1, с. 51]. Бог терпит зло только во имя свободы. Смысл зла в том, «что оно есть испытание свободы» [Там же, с. 251].

Мыслитель также считает, что человек, обладая свободой, не в силах самостоятельно справиться с «меонической свободой», породившей зло.

Но настоящий трагизм жизни, по мнению Бердяева, заключается не в борьбе добра со злом, а в необходимости выбора между одним добром и другим добром – любовь к близким и любовь к окружающим, патристическая любовь и любовь к матери. «Свобода есть не удовлетворение, легкость и наслаждение, а тягота, трудность и страдание... В свободе жизнь будет труднее, ответственнее и трагичнее» [Там же, с. 142].

Ведь основная трудность борьбы добра и зла заключается в том, что противостояние злу порождает новое зло – насилие, жестокость, злость. Сложность этой борьбе придает еще и тот факт, что добро и зло зачастую принимают противоположные формы, т.е. то, что человек принимает за добро, может на самом деле оказаться злом, и наоборот, зло может обернуться добром. Этот парадокс зла напрямую связан с парадоксом свободы.

Традиционное учение о свободной воле утверждает, что свобода заключается в выборе между добром и злом, за который человек несет ответственность. Такая свобода держит человека в страхе и порабощает его. Но Н. А. Бердяев с подобным пониманием не согласен. Он считает, что человек свободен только тогда, когда ему не нужно выбирать. Но для того чтобы приобрести свободу, необходимо уже быть свободным, т.е. осознавать себя внутренне свободным. Именно творчество способствует внутреннему освобождению. «Настоящая свобода... есть свобода творчества» [Там же, с. 53]. Т.е. человек как существо свободное несет в себе и творческое начало. «Несотворенная свобода объясняет не только возникновение зла... но и возникновение творческой новизны, небывшего» [3, с. 350].

Творчество невозможно без свободы. «Тайна творчества и есть тайна свободы. Творчество только и возможно из бездонной свободы, ибо лишь из бездонной свободы возможно создание нового, небывшего» [1, с. 117]. Но для творчества нужна не только свобода, но и дар свыше, а также мир, который является для человека полем его творческой деятельности, и из которого он берет нужные материалы. «В этом тайна творчества» [3, с. 251].

Мир был создан не для того чтобы человек согрешил, а потом всю жизнь искупал грех. У человека есть еще творческое призвание. Однако в Библии нет на это указаний. Но Н. А. Бердяев считает, что если бы они были, то творчество предполагало бы послушание, что уже не являлось бы творчеством как таковым. Именно в творчестве проявляется божественное начало в человеке.

Творчество не столько борется со злом, сколько создает новый мир. Оно творчески осуществляет добро и творчески преобразует злое в доброе.

Трагедия творчества в том, что «оно хочет вечности и вечного, а создает временное, создает культуру во времени, в истории» [1, с. 125]. «Все продукты творчества не соответствуют творческим замыслам и не удовлетворяют. В этом горечь творчества» [Там же, с. 79]. Следует отметить, что для Н. А. Бердяева творчество – это «не создание культурных продуктов, а потрясения и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни, к новому бытию» [3, с. 248].

«Творчество связано с воображением» [Там же, с. 258], являясь его источником, оно создает образы нового. Но существуют еще и фантазмы, которые возникли вследствие эгоцентризма и не позволяют воспринимать полноту бытия. «Самолюбие создает свой фантазмагорический мир, в котором все реальности смещены» [1, с. 161]. Оно создает реальность, способную дать возможность получить удовольствие при помощи фантазмов, которые на самом деле не способны избавить от страданий. Они произошли не от Бога, а от Ничто, от изначальной свободы. Они, в отличие от воображения, не созидают и не преобразуют реальность, а наоборот извращают ее.

Однако одной из причин человеческого страдания является не столько эгоизм, сколько нелюбовь к себе, вследствие чего люди становятся злыми по отношению к другим, а когда человек любит себя, он добрее к окружающим.

Помимо эгоцентризма, последствием грехопадения является еще и появление страха. «В переживании сильного страха человек обыкновенно забывает о всякой высоте и склонен жить в низинах, лишь бы освободили его от ожидаемых опасностей, лишений и страданий» [Там же, с. 155]. Общество, порожденное грехом, страх превращает в основную категорию жизни. Оно запугивает человека вечными муками, тем самым парализуя его свободу совести. Но страх говорит лишь о погруженности человека в земные заботы, а нужно стремиться к божественному миру, чтобы приобрести спасение.

Как взаимосвязаны спасение и творчество? Церковь всегда думала о спасении, а мир занимался творчеством, которое не было оправдано и освящено ею. «Самая идея спасения... должна быть заменена идеей творческого преобразования и просветления, идеей совершенства жизни... Эпоха конца есть не только эпоха разрушения, но также и эпоха богочеловеческого творчества новой жизни и нового мира» [4, с. 357].

История пронизана поисками Царства Божьего. Это – ее абсолютная цель, но оно невозможно в истории. Однако у людей присутствует соблазн искать его на Земле, потому что они не верят в бессмертие и желают земной жизни во всех благах. Утопия рая на земле создает соблазн для антихриста, который обещает осуществление на земле Царства Божьего.

«Конец мира не фатален. Конец есть дело богочеловеческое, которое не может совершиться без человеческой свободы» [3, с. 364]. Смысл истории – не в благополучии этого мира, который не имел бы конца, а в совершении окончательного выбора между добром и злом. Жизнь бессмысленна, если после смерти не следует вечной жизни. Спасение – это преодоление различия добра и зла, которое возникло вследствие грехопадения.

Факт смерти напрямую связан со смыслом жизни, ведь если бы ее не было, жизнь потеряла бы всякий смысл и стала бы дурной бесконечностью. Философы зачастую поверхностно затрагивали проблему смерти и бессмертия, и то только для связи ее с ответственностью человека. Идея бессмертия опиралась на признание души субстанцией. По мнению Н. А. Бердяева, данная идея бесплодна, т.к. она не предусматривает борьбу за вечную жизнь. Но человек, являясь не только природным, но и духовным существом, стремится к вечности. «Смерть – предельный ужас и предельное зло – оказывается единственным выходом из дурного времени в вечность, и жизнь бессмертная и вечная оказывается достижимой лишь через смерть» [1, с. 216]. Смысл в вечности, ведь все временное – тленно, а значит бессмысленно. В этом парадокс смерти: с одной стороны, она является результатом греха, а с другой стороны, – ценностью и благом.

Если смерть не будет побеждена, то мир не имеет оправдания. Все земное должно быть воскрешено: и люди, и растения, и животные. Общество знает только одно средство в борьбе со смертью – рождение. Но каждый рожденный обречен на смерть, поэтому это – призрачная победа. Н. А. Бердяева тема смерти волнует прежде всего как проблема личного бессмертия, а не бессмертия рода.

Он считает, что «не только все умершие должны быть спасены от смерти и воскрешены, но все должны быть спасены и освобождены от ада, выведены из ада» [Там же, с. 240]. Единственное, что должен понять человек, что невозможно спастись индивидуально. Необходимо искать спасения всего человечества, а не только личного. «Пала душа мира, пал человек как микрокосм, и спасается человек как микрокосм, спасается с душой мира... поэтому индивидуальное спасение или спасение избранных невозможно» [Там же, с. 249]. А всеобщее спасение предполагает и всеобщую ответственность.

Помимо ужаса личной смерти, существует еще и ужас смерти мира – Апокалипсис, который переживается людьми намного сильнее, потому что пропадает вера в родовое бессмертие. «Апокалипсис есть не подлежащий рационализации парадокс времени и вечности. Конец нашего мира наступает во времени... Но он также есть конец нашего времени» [Там же, с. 225].

Человек больше боится вечных мук, чем смерти, потому что бессмертие заставляет думать об ответственности. Тем самым проблема смерти связана с проблемой ада. А идея ада связана со свободой. «Ад нужен не для того, чтобы восторжествовала справедливость, и злые получили воздаяние, а для того, чтобы человек не был изнасилован добром и принудительно внедрен в рай, т.е. в каком-то смысле человек имеет нравственное право на ад, право свободно предпочесть ад раю» [Там же, с. 229]. В этом диалектика ада. Поэтому Н. А. Бердяев критикует учения, оправдывающие ад идеей справедливости.

Ад не является вечностью, он всего лишь бесконечность времени. «В аду те, которые остаются во времени и не переходят в вечность... Ад есть по существу призрачная, фантазмагорическая, небытийственная сфера. Но он может быть величайшей психологической, субъективной реальностью для человека. Ад... не может быть вечным, но может переживаться человеком как бесконечное» [Там же, с. 231]. Таким образом, ад не является наказанием и возмездием Божьего суда. Это – человеческий суд.

Н. А. Бердяев не объективировал ад и не пытался построить онтологию ада. Для него ад – это «лишь пребывание в дурном времени, бессилие войти в вечность, которая может быть лишь божественной» [3, с. 358]. Существует единое царство, а не Божественное и дьявольское. Если бы вечный ад существовал, это свидетельствовало бы об отсутствии существования Бога. Зло, страдания, ад лишь говорят о несовершенстве мира. Человек в глубине души создает рай или ад.

Но, помимо собственных переживаний ада, у человечества существует мечта о рае. Грехопадение явилось испытанием свободы человека. Оно было необходимо, т.к. свобода нужна для исполнения смысла творения: перехода из рая, не знавшего свободы, к раю, познавшему ее. И поэтому не стоит хотеть возвратиться в утерянный рай. Ведь это приведет к бессмысленности мирового развития. Рай, познавший свободу, познал и смысл зла.

Итак, размышления Н. А. Бердяева о теодицее являются религиозно-философскими. «Никакой человек не может быть воплощением и персонификацией зла, зло в нем всегда частично» [2, с. 34]. Даже если человек и совершил преступление, то в нем все равно есть доброе начало.

Утверждать о своеобразном подходе Н. А. Бердяева к проблеме теодицее сложно. Однако относительно новым является акцент на историческом, вселенском масштабе проблемы происхождения зла. Он считал, что именно понимание смысла истории приведет к оправданию Бога за существующее мировое зло, т.е. связывал происхождение зла с прогрессом и историей. Н. А. Бердяев отводит огромную роль злу в исторической действительности. Мыслитель считал, что ошибкой большинства теодицей являлись признание зла недостатком и утверждение ложного исторического оптимизма. Кроме того, решение теодицее он представил в развиваемой им концепции творчества. «Русский философ определял путь спасения от греха через творчество. По его убеждению, человек, совершающий грех, может творить, но в условиях падшего мира творчество обречено на неудачу, потому что превращается в продукт или вещь. Бердяев предлагал спасение от грехопадения через аскетическое очищение от греха» [5, с. 65].

Список литературы

1. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Терра – Книжный клуб; Республика, 1998. 384 с.
2. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. Париж: YMCA-Press, 1939. 224 с.
3. Бердяев Н. А. Самопознание: опыт философской автобиографии. М.: Книга, 1991. 450 с.
4. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Терра – Книжный клуб; Республика, 1998. 384 с.
5. Исаченко Н. Н. Концепт греха в современном обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45). Ч. I. С. 63-65.

N. A. BERDYAEV ON THE PROBLEM OF THEODICY

Antonenko Viktoriya Vladimirovna
Smolensk State University
lyubimayaviktoriya@mail.ru

The article aims to reveal the specifics of N. A. Berdyaev's religious and philosophical speculations devoted to the problem of theodicy. Relatively new is emphasis on the historical, universal scale of the problem of the origin of evil. The thinker assigns enormous role to evil in historical reality. Besides, he represented the solution of theodicy in the self-developed original conception of creativity. Creativity forms a new world rather than fights against evil. It creatively implements kindness and creatively transforms evil into kind.

Key words and phrases: N. A. Berdyaev; theodicy; evil; kindness; creativity; freedom; responsibility.